

«...На что мне, собственно, нужна свобода, если нет России?»

2 АВГУСТА ИСПОЛНИЛОСЬ
145 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКОГО

Корреспондент « ечёрки» Федор ДУБШАН отдал дань уважения писателю и философу Серебряного века, пройдя по его петербургским адресам. Кажется несерьезным говорить, что место рождения, мол, определяет образ жизни, ее тональность. Какая-то дешевая мистика. Но в Петербурге происходит и не такое — вопреки всякому рассудку и здравому размышлению. Эти странные питерские сближения, что удивительно, не грешат против хорошего вкуса, каким-то чудом становясь завязками для талантливо рассказанных историй и глубоких драм. Такой вот историей и драмой оказалась жизнь Дмитрия Сергеевича Мережковского.

Елагин остров

А возвращаясь к месту рождения — это один из самых тенистых и укромных уголков тогдашнего да, пожалуй, и нынешнего Петербурга. «Я родился 2 августа 1865 года в Петербурге, на Елагинском острове, в одном из дворцовых зданий, где наша семья проводила лето на даче», — пишет Мережковский в своих «Автобиографических заметках». Елагин остров, постоянно укрытый тенью, под которой лужайки и пруды выглядят такими таинственными и вечными, стал местом его частых прогулок. Со старшим братом Александром они катались на лодке по Средней Невке вдоль берегов Елагина острова и беседовали «обо всем».

Мережковские были большой семьей — кроме Александра и Дмитрия в доме было еще семеро детей. Но какой-то подлинной крепости в отношениях не было. Отец не мог обходиться без матери и довольно равнодушно смотрел на потомство. Это передалось и детям: чуть только они выросли — отдалились друг от друга. Мережковский с детства был отчужден от окружающих.

Дмитрий горячо любил мать и был, кажется, равнодушно-враждебен к отцу. Классическая фрейдовская модель — ну так и сам Фрейд впоследствии признавал влияние Мережковского на свои теории.

Дмитрий Сергеевич родился в одном из дворцов Елагина острова.

Гагаринская, 23

3-я классическая гимназия недалеко от дома — по адресу: Гагаринская ул., 23, — казалось бы, должна была упорчить интерес к старине. Но она едва ли справилась с этой задачей: Мережковский-гимназист ненавидел метод обучения, которую здесь применяли. «Зубрежка и выправка» в «убийственной» атмосфере — так он вспоминал о гимназии.

И все-таки талант сам заговорил о себе. В гимназии, лет 13, Мережковский начал писать стихи, в подражание, конечно же, Пушкину, его «Бахчисарайскому фонтану».

Когда Дмитрию исполнилось 15, отец привел сына к самому Достоевскому, в дом в Кузнечном переулке. Юный Мережковский (как он сам вспоминал позже) читал, «краснея, бледнея и заикаясь». Достоевский слушал «с нетерпеливою досадою» и затем произнес: «Слабо... слабо... нигде не годится... чтобы хорошо писать, страдать надо, страдать».

— «Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает!» — поспешил испуганно возразить отец. Слова Достоевского оказались чем-то вроде пророчества: Мережковского потом не раз еще обвиняли в сухом интеллектуализме, холодности, схематизме, «головном» характере творчества, в отрешенности от «живой жизни» во имя культурно-мифологических «химер».

Получив смехотворный мандат на чтение лекций красноармейцам по истории и мифологии Древнего Египта, в ночь на 24 декабря 1919 года чета Мережковских и неразлучный с ними Дмитрий Философов покидают Петроград. В канун Рождества по старому стилю они пережили подобие библейского бегства — то ли евреев из Египта, то ли Святого Семейства в Египет...

Классическая гимназия, которую гимназист Мережковский не жаловал.

В Летнем саду у мальчика развилась фантазия и появился особый взгляд на мир.

Летний сад

В Петербурге семья также жила напротив другого петербургского заповедника таинственности и вдохновения — возле Летнего сада, в старом доме на углу Невы и Фонтанки. На перекрестке земли и воды мальчик создавал свой собственный мир, загадочный и отделенный от реальности.

Тут развились и его религиозность, и мистицизм, подпитываемые няней:

*Мне жилая угодников святых
Рассказывала няня, как с бесами
Они боролись в пустынях глухих.
Как некое заклятие трикраты
Монах над черным камнем произнес
И в воздухе рассыпался проклятый,
Подобно стае воронов, утес:
Я слушал няню, трепетом объятый
И любопытством, полный чудных грез,
От ужаса я «Отче наш» в кровати
Твердил всю ночь в мерцании лампадки.*

Все это — и дриадический Елагин остров, и Летний сад с его статуями — не могло не дать мальчику какого-то стереоскопического взгляда на историю, особенно древнюю, и потребности в совершенно эллинском богоискательстве.

Здесь располагалась редакция журнала «Новый путь».

Невский, 88

В 1902 году Мережковский и Гиппиус основали собственный журнал «Новый путь»; редакция располагалась на Невском, 88. Там находились издательство и книжная лавка Пирожкова, который взял на себя заботы по организации редакции.

Валерий Брюсов определял «Новый путь» как «богословско-литературный журнал». Поскольку идейное руководство осуществлялось уже всем известной четой, он получил репутацию «семейного». У журнала были немалые амбиции: Мережковские рассчитывали даже на сотрудничество с Львом Толстым. Формально они примирились: в 1904 году Толстой сам пригласил супругов на встречу в Ясную Поляну.

Следующий год, 1905-й, был революционным. С этого начался подспудный конфликт Мережковского с русской действительностью; конфликт, приведший в конце концов к эмиграции.

После расстрела шестив рабочих Мережковские, Философов и гостивший у них Андрей Белый организовали студенческий «протест» в Александринском театре. Ареста, которого Мережковский ожидал несколько дней, не последовало. Еще более «полевели» его взгляды после поражения России в войне с Японией: в беседе с Гиппиус он заявил о том, что окончательно уверился в «антихристианской» сущности русского самодержавия.

Однако в книге «Грядущий хам», которая в течение 1905 года печаталась в журналах «Полярная звезда» и «Вопросы жизни», Мережковский предостерегал от «недооценки мощных сил, препятствующих религиозному и социальному освобождению, — мещанства, безличности, середности и пошлости», в каком бы социальном классе — низшем или высшем — они ни заключались. «Хамство» в его терминологии было не социальной характеристикой. В настоящее время «Хам» заключен в самодержавной бюрократической машине. Но самое страшное лицо хамства — будущее, это «лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босячества, черной сотни».

Дом Мурузи

В начале мая 1888 года, по окончании историко-филологического факультета Петербургского университета, Мережковский предпринял путешествие по югу России. В Боржоме Мережковский познакомился с девятнадцатилетней Зинаидой Гиппиус. Для обоих это было ощущение полного духовного и интеллектуального единения. Вскоре Дмитрий сделал предложение Зинаиде. Обвенчались они в Тифлисе в январе 1889 года, а вскоре вернулись в Петербург.

По возвращении в столицу молодая чета Мережковских поселилась в новой квартире на пятом этаже в доме Мурузи — на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы. Огромный доходный дом в мавританском стиле. Много лет спустя в этом же, уже «уплотненном» и разбитом на коммуналки доме проживал молодой Иосиф Бродский. В эссе «Полторы комнаты» Бродский полуторжественно, полумифологично напишет про бывших жильцов как про собственных соседей:

«Что до нашей анфилады, то ее занимала чета, чье главенство было ощутимым как на предреволюционной русской литературной сцене, так и позднее в Париже в интеллектуальном климате русской эмиграции двадцатых и тридцатых годов: Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. И как раз с балкона наших полутора комнат, изогнувшись гусеницей, Зинка выкрикивала оскорбления революционным матросам».

В общей сложности Мережковские провели здесь двадцать три года.

Мережковский и Гиппиус сблизились с окружением Сергея Дягилева, куда входили художники Валентин Серов, Александр Бенуа, Лев Бакст, поэт Николай Минский. Дягилев и Бенуа организовали журнал «Мир Искусства», где публиковался Мережковский; литературный отдел здесь вел критик Дмитрий Философов. Редакция журнала находилась в доме Дягилева — на Литейном, 45. С 1900 года «Мир Искусства» переехал на набережную Фонтанки, 11.

Супруги устраивали вечера и у себя, в доме Мурузи. Приходили Дягилев с друзьями, Федор Сологуб, Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, философы Василий Розанов и Николай Бердяев. Дмитрий Философов стал своим в их доме.

В доме Мурузи Мережковский поселился с молодой женой.

Из дневника Дмитрия Мережковского:

«Как благоуханны наши Февраль и Март, солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горние! В эти первые дни или только часы, миги, какая красота в лицах человеческих! Где она сейчас? Вглядитесь в толпы Октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее... Идучи по петербургским улицам и вглядываясь в лица, сразу узнаешь: вот коммунист. Не хищная сытость, не зверская тупость — главное в этом лице, а скука, трансцендентная скука «рая земного», «царства Антихриста».

Ул. Чайковского, 83

Той же весной Мережковские вместе с Философовым отправились в первую полувынужденную парижскую эмиграцию — «добровольное изгнание», признанное послужить «переездки ценностей». Мережковский в то время был популярен в Европе — гораздо больше, пожалуй, чем на родине. Его труды переводят на многие языки, издаются многотомные собрания сочинений. В России в это время он уже в опале за критику правительства и церкви. Он так и существует — на полпути между Парижем и Петербургом — до самого 1918 года. Приезжая в Россию, с 1912 года он живет на своей последней здесь квартире — в доме Лихачева, номер 83 по Сергиевской улице (ныне — Чайковского). И этот дом, не менее причудливый, чем дом Мурузи, — с эркерами, с атлантами, с переплетением цветов над парадным входом — кажется застывшим, замершим изображением того тенистого леса на Елагинском острове, с которого начинался путь Дмитрия Мережковского. Как будто бы все окаменело за давностью лет.

В 1917 году Мережковский приветствовал приход к власти Временного правительства. Как вспоминала Гиппиус, весь 1917 год «следили за событиями по минутам» — тем более что дом на Сергиевской был прямо напротив Таврического дворца, где разместились Временный комитет Государственной думы, а затем и Временное правительство (до июля 1917 г.).

Мережковский, потрясенный увиденным в новой, красной России, верил, что «русский вопрос — это всемирный вопрос, и спасение России от большевизма — основная задача и смысл западной цивилизации». Нина Берберова в книге «Курсив мой» приводит диалог супругов: «Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России?» — Она думала минуту. — «Свобода без России... И потому я здесь, а не там». — «Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но...» — И он задумывался, ни на кого не глядя. «...На что мне, собственно, нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой?»

В этом причудливом доме была последняя петербургская квартира Мережковских.

... Мережковский встречался с Муссолини, убеждал того начать «священную войну», сравнивал его с Данте, а Гитлера — с Жанной д'Арк, призванной спасти мир от дьявола. Навзро? Несомненно. Конечно, ему никогда не простили этой наивности. Философ Фалес Милетский упал в яму, потому что забавлял глядеть под ноги. Но зато он видел звезды.